

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРИНУЖДЕНИЕ К ТРАДИЦИИ

Статья посвящена исследованию новых (2012–2013 гг.) государственных инициатив в области семейной политики России. Основное внимание уделено анализу «Концепции государственной семейной политики на период до 2025 года» (общественный проект). Рассмотрены идеологическая составляющая предложенного варианта семейной политики и меры по ее реализации, проведена оценка их когерентности. Представленная версия семейной политики оценивается автором как пронаталистская с явным неотрадиционалистским и патерналистским уклоном, что сближает ее с трендами семейной политики предыдущего периода (2006–2011). Анализ содержания проекта выявил ряд серьезных недостатков данного документа. В частности, пронаталистская ориентация Концепции приводит к тому, что многие реальные проблемы, с которыми сталкиваются российские семьи (проблемы пожилых членов семей, вопросы баланса семьи и работы и т.д.) оказываются на периферии внимания государства. Одновременно Концепция слабо коррелирует с другими сферами социальной политики (пенсионное обеспечение, миграционная политика, образование), что создает угрозу несогласованности социальной политики в целом.

Ключевые слова: семейная политика, пронатализм, патернализм, «традиционные семейные ценности», Россия.

В современной России происходит активный процесс ре(конструирования) ценностей и практик семейных отношений и родительства (Майофис, Кукулин 2010; Свешникова 2010; Чернова, Шпаковская 2010; Шпаковская 2010). Данные изменения вписаны в контекст глобальных трансформаций брачно-репродуктивного поведения, родительско-детских отношений, вызванных процессом модернизации и распространением постматериалистических ценностей второго демографического перехода. На этом фоне переопределяется характер и формат взаимодействия государства и семьи.

Направление развития семейной политики России в последние годы обнаруживает очевидную тенденцию усиления контроля государства над приватной сферой. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что с 2006 г. в России наступает новый этап в отношениях семьи и государства, характеризующийся пронаталистской направленностью и патерналистским характером

Печерская Наталия Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (pnecher@eu.spb.ru)

мер по ее реализации (Печерская 2012; Чернова 2011; Ярская-Смирнова 2010; Read, Thelen 2007; Rivkin-Fish 2010; Rotkirch at al 2007).

Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2006 г. обозначило рубикон перехода от либеральной политики вертикального контракта (Аузан 2006) и минимизации роли государства в решении вопросов семьи и родительства конца 1990-х — начала 2000-х гг. к государственному патронату частной сферы (Путин 2006).

Экстренное повышение рождаемости было признано приоритетной задачей, обеспечивающей национальную безопасность страны и «сбережение народа», а семейная политика сведена к проблеме деторождения (Концепция демографической политики...).

Побуждение к репродукции стимулировалось государством с помощью мер преимущественно материального характера, сконцентрированных на поддержке беременности и родов (оплата декретных отпусков, разовые выплаты при рождении ребенка, материнский капитал) и воспитании ребенка до 1,5 лет (ежемесячные пособия по уходу за ребенком). Эти чисто экономические инструменты слабо коррелировали с природой трансформации родительского поведения и падением рождаемости в России. В результате финансовые вливания давали лишь календарный рост рождаемости, ускоряя реализацию запланированных ранее рождений, и не могли поднять общий уровень рождаемости, связанный с рождаемостью реальных поколений, которые в ближайшей перспективе будут демонстрировать спад из-за вступления в детородный возраст малочисленного поколения россиян 1990-х гг. (Захаров 2012)*.

Для долгосрочного увеличения рождаемости более продуктивным (если говорить о внутренних ресурсах страны) является изменение репродуктивных установок населения (потребности в детях). Но сравнение результатов двух волн обследования РИДМиЖ** 2007 и 2011 гг. продемонстрировало устойчивость этих установок (двухдетный идеал) (Захаров 2012). Пронатализм явно демонстрировал свою неэффективность. Семейная политика, нацеленная на инструментальное использование людей как биологических механизмов спасения нации, создавала своего рода клиентелу, где родители превращались в пассивных потребителей предоставляемых государством услуг. Вполне закономерной реакцией на откровенный прагматизм государства стала рационализация поведения пап и мам и широкое распространение «тактик слабых» (De Certeau 1984) — использование в своих интересах «правил игры», навязываемых государством — получить «премию за скорость», не меняя в целом своих индивидуальных потребностей в детях. В результате во властной элите начало формироваться осознание того, что одними материальными поддержками битву за рождаемость не выиграть.

* Низкая эффективность воздействия денежных субсидий на рождаемость является не «российским» исключением, а скорее правилом, подтвержденным мировым опытом. Так, лонгитюдное исследование, проводимое по данным, собранным в 11 развитых странах мира, показывает, что даже 25% увеличение денежных пособий приводит к повышению рождаемости лишь на 0,007 ребенка на одну женщину (Blanchet 1994).

** «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе».

Постепенно родительство стало концептуализироваться не в категориях ответственности и долга перед государством и нацией, а прежде всего как моральная ценность, путь самореализации через обеспечение счастья и благополучия детей.

Хотя в целом новое прочтение задач государства в отношении семьи не отменяло направленности политики на повышение рождаемости, оно обозначило устойчивый сдвиг от прагматизма демографического дискурса к эмоционально-ценностной потребности в детях.

Рамочным концептом этого гуманистического тренда в официальной риторике стало понятие традиции. Поначалу содержание этого понятия было достаточно размытым: традиция определялась через базовые моральные ценности, этиология которых не конкретизировалась. Переломным явился 2012 г., когда в предвыборных статьях В.В.Путина и в его обращении к Федеральному Собранию возрождение «духовных скреп» российского общества было напрямую связано с сохранением коллективной идентичности России (Путин Послание ... 2012; Путин Россия ... 2012). Символический ресурс коллективного прошлого был актуализирован для легитимации политического курса на укрепление единства нации — «полиэтнической цивилизации», скрепленной русским культурным ядром (Малинова 2012). Русский народ объявлялся «государствообразующим по факту существования России» (Путин Россия ... 2012), а его культурные традиции — символическим кодом коллективной идентичности современных россиян. Став эпицентром решения вопроса национального единства, категория традиции легко политизировалась, превратившись в мощный рычаг политической мобилизации. Но теперь это была не просто традиция, отсылающая к расплывчатым горизонтам общечеловеческих ценностей, а традиция, укорененная в «тысячелетней истории России» (Путин Послание ... 2012). Она была призвана стать макроосновой солидарности российских граждан, нивелирующей социальные, территориальные и политические неравенства.

Курс на возрождение «суверенной и сильной России» (Путин Послание ... 2012) путем реинкарнации национальных «жизненных ориентиров и идеалов» активизировал поиск их институциональных носителей, и взгляд государства вновь сфокусировался на семье — источнике демографического воспроизводства нации и проводнике «наших» национальных ценностей. «Если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен. Все и так развалится само по себе. Чтобы Россия была суверенной и сильной, нас должно быть больше, и мы должны быть лучше в нравственности, ...» (там же)

Явное сращивание национального, демографического и семейного вопросов сопровождалось рядом политических событий с очевидной консервативной окраской. Моральные паники, развернувшиеся вокруг законов о гендерном равенстве, международном усыновлении, ювенальной юстиции, гомофобный привкус обсуждения проблем брачно-партнерских отношений, дебаты о сокращении аборт, введение ограничений на доступ к современным репродуктивным технологиям, усиление роли Русской православной церкви в решении всех этих вопросов стали индикатором консервативной солидаризации российского общества, инициированной государством. На этом фоне

происходил пересмотр принципов и задач российской семейной политики с целью встраивания ее в большой национальный проект возрождения России.

Новая идеологическая парадигма семейной политики была представлена «Концепцией государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Концепция) (Концепция государственной ... 2013), разработанной думским Комитетом по вопросам семьи, женщин и детей, возглавляемым Еленой Мизулиной. Пока данный документ имеет статус общественного проекта и открыт для широкого публичного обсуждения. По замыслу создателей, проект призван стать идеологической основой Концепции государственной семейной политики, которая должна быть утверждена в 2014 г. Последний документ такого статуса, посвященный именно семейной политике как самостоятельной части социальной политики, был принят в далеком 1996 г. (Об основных направлениях ... 1996). Проект Концепции содержит ряд серьезных инноваций и инструментов их реализации по сравнению с предыдущими версиями семейной политики, что позволяет, на наш взгляд, рассматривать его как новый виток в развитии отношений российского государства и семьи.

Авторы Концепции делают ставку на обеспечение семейного благополучия. В нем они видят залог благополучия детей и преодоления демографического кризиса. Создание семейного благополучия позиционируется как основной модус развития социальной политики до 2025 г., и с этим положением сложно не согласиться. Основные вопросы, а порой и глубокое удивление вызывает нормативная модель семьи, воплощающая в себе это благополучие и способ его достижения.

В первых строках документа дается эссенциалистское определение семьи как общности, основанной на «родстве по крови», одновременно являющееся транслятором некоего устойчивого народного духа, который семья сохраняет независимо от культурных и социальных изменений. «Сущность и смысл семьи не просто в воспроизводстве населения, а в продлении рода ... Через нее род развивает заложенное в его природе душевно-духовные качества ... Русское православие усиливает духовное содержание рода и семьи. Семья выступает не только социальным сообществом супругов, родителей и детей, но и духовной ячейкой, 'малой церковью'» (Концепция: раздел 1, п. 1). Моральной основой такой семьи объявляются традиционные семейные ценности России, к которым Концепция относит: «ценности брака, понимаемого исключительно как союз мужчины и женщины, основанный на регистрации в органах ЗАГС или совершаемый в соответствии с религиозными традициями, составляющими неотъемлемую часть исторического наследия России, заключаемого с целью продолжения своего рода, рождения и совместного воспитания трех и более детей, основанный на авторитете родительской власти ...» (Концепция: раздел 1, п. 4).

С учетом этих ценностей формулируется нормативная модель «благополучной семьи»: многодетная, полная, многопоколенная семья, созданная на основе зарегистрированного (государством или церковью) брака мужчины и женщины, скрепляемая авторитетом родительской власти (Концепция: раздел 3, п. 3).

Однако современное состояние семейных отношений сильно отличается от предложенного идеала: растет число неполных семей (30% российских семей),

детей, рожденных вне брака, увеличивается доля однодетных семей (около 70%), растет число разводов и различных форм гражданского брака, увеличивается возраст первых рождений, и, к ужасу авторов, российские граждане относятся к большинству этих явлений вполне терпимо.

Несмотря на то, что разработчики Концепции настаивают на том, что рассматривают семейные отношения в «контексте того социума, из которого они вырастают», предложенные ими концептуальные основания новой семейной политики изобилуют историческими, социальными и юридическими противоречиями, крайне расплывчаты, а порой и абсурдны.

Много вопросов вызывает ключевой термин «традиционных семейных ценностей» / «традиционная российская семья». Во-первых, о традициях какой России идет речь? Николай Бердяев выделял в тысячелетней истории России «пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и новую советскую Россию» (Бердяев 1990: 7). Очевидно, авторы имеют в виду не СССР, но разброс все равно остается большим. Во-вторых, даже в современной Российской Федерации термин «традиционные семейные ценности» в разных ее субъектах будет пониматься по-разному, они, просто в силу исторических причин, не могут быть общими для Чечни и Дальнего Востока, для Татарстана и Краснодарского края. Где-то это была моногамная семья, где-то полигамная, где-то девочек выдавали замуж в 12 лет, а где-то только после 18, и т.д. Если говорить конкретно о «многопоколенной семье», то она распалась задолго до революции 1917 года: индустриальная революция и вызванная ею урбанизация разрушили большие семьи в России уже к концу XIX в. Неполные семьи тоже были частым явлением, прежде всего из-за высокой смертности (смерть одного из супругов); авторитет родительской власти сводился к патриархату, основанному на гендерном неравенстве и отсутствии прав у женщин и детей.

Если рассматривать проблему «традиционных семейных ценностей» социологически, то социология, начиная с Тенниса и Дюркгейма, убедительно доказала, что влияние традиционных установок важно в архаических обществах, а в урбанизированных, индустриальных, подвергнутых секуляризации, необратимо падает.

Когда в Концепции приводятся данные о том, что «для 70% россиян семья и регистрация брака входят в пятерку приоритетных ценностей» (Концепция: раздел 2, п. 1) авторы умалчивают о том, что около 80% опрошенных считают, что муж и жена должны вносить вклад в общий семейный бюджет и что по-настоящему независимой может быть только работающая женщина (71%) (Башкирова 2010: 22). Эти данные никак не вписываются в традиционную модель, а скорее свидетельствуют о «неустойчивом равновесии» (Esping-Andersen 2009), в котором находится ценностная система россиян по отношению к гендерному разделению труда. Вообще, традиции вырастают из форм жизни — они результат адаптации к определенным условиям: многопоколенная, многодетная семья — необходимое условие выживания в аграрных обществах с высокой смертностью, а сейчас этого условия нет, поэтому и ценность многодетности резко снизилась. Возвращение подобных традиций требует либо возрождения

условий, в которых они формировались (мировая история не знает подобных прецедентов), либо насаждения редуцированных мифологизированных архаичных моделей силовыми методами, что, как не раз демонстрировала история, неминуемо ведет к огосударствлению частной сферы и трансформации социального государства в тоталитарное.

Юридический анализ базовых положений Концепции выявляет противоречия, как минимум, десяти статьям Конституции РФ, нормам и принципам международного права (Бахренькова 2013). В частности, объявление традиционных семейных ценностей государственной идеологией нарушает статью 13 Конституции РФ (Конституция ...), провозглашающей идеологическое многообразие в России и устанавливающей запрет на государственную или обязательную идеологию. Приоритет традиционных семейных ценностей на государственном уровне ограничивает права и свободы человека, являющиеся высшей ценностью – статья 2 Конституции – в том числе право жить в соответствии со своими убеждениями.

Конкретизация целей и признаков брака (рождение и совместное воспитание трех и более детей, совместное проживание), отождествление его с семьей являются дискриминирующими и нарушают принципы государственной защиты и поддержки семьи в Российской Федерации (статьи 7, 38 Конституции РФ), так как сужают число семей, признаваемых юридически семьями. Дискриминационным является также предложение Концепции о признании церковных браков юридически равными бракам, заключенным в органах ЗАГС, при одновременном отказе в государственном признании других фактически брачных отношений. Наличие в составе традиционных семейных ценностей элементов религиозного мировоззрения нарушает принцип свободы совести и свободы вероисповедания (статья 28 Конституции РФ).

Анализируя содержание Концепции, нельзя не сказать о мерах, предлагаемых для повышения семейного благополучия россиян. Их арсенал достаточно обширен. Стоит отметить принятие ряда давно уже ожидаемых от власти мер (например, предоставление работающим отцам права на оплачиваемый двухнедельный отпуск в связи с рождением ребенка, увеличение пособий по беременности и родам безработным, упрощение процедуры усыновления и ограничение оснований отобрания ребенка решением суда, установление минимального размера алиментов и т.д.), но большинство предлагаемых инструментов для поддержания семьи нацелено на продвижение идеологии традиционных семейных ценностей и тем самым усиливает и умножает рассмотренные выше противоречия.

«Правильным», то есть многодетным «полным семьям с кровными детьми» (Концепция: раздел 2, п. 16). Концепция предоставляет широкий спектр поощрительных мер: выплата дополнительного ежемесячного федерального пособия, введение отцовского капитала за четвертого и последующих детей, зачет в трудовой стаж отпуска по уходу за ребенком многодетному родителю, установление прибавки к пенсии за ответственное родительство за трех и более детей, бесплатное дополнительное образование и лечение детей из многодетных семей, введение бабушкиного капитала при рождении четвертого внука, увели-

чение пособий по беременности многодетным матерям до 100% и т.д. (Концепция: раздел 3, п. 7). Все это материальное великолепие должно пролиться на головы многодетных родителей за три года (2014–2017 — первый этап Концепции), в последующие 8 лет что-то (в Концепции не конкретизируется) перепадет и остальным типам семей, а пока неполные, а также живущие в гражданском браке семьи подвергаются откровенной дискриминации, должны довольствоваться прежними выплатами и надеяться только на себя, ибо цели разработчиков Концепции — повысить престиж многодетных семей (напомним, таких семей всего около 1 млн. из более чем 40 млн.) (Мизулина 2013).

Правда, остаются неясными источники финансирования перечисленных мер (и не только их). Поскольку бизнес фактически исключен в данном документе из субъектов семейной политики, в отличие от семейной политики первого (1991–2005) и второго периодов (2006–2012), то очевидным донором должно стать государство. Но как может государство с дефицитом бюджета более 500 млрд. рублей (2013 г.) и падающим экономическим ростом (1,8 % на 2013 г.) увеличивать и так непомерно высокие социальные обязательства? Этот вопрос, судя по содержанию Концепции, является риторическим для депутатов и находится для них в «слепой зоне».

Помимо поощрительных, Концепция вводит ряд жестких «карательных» и ограничительных мер в отношении противников уз Гименея и многодетности*. Пожалуй, еще ни разу со сталинских времен государство не вторгалось с такой бесцеремонностью в частную жизнь граждан.

В целях «дальнейшего улучшения демографической ситуации» Концепция предлагает ограничить возможности для аборта (Концепция: раздел 3, п. 6) (напомним, что они и так уже были сужены по инициативе Е. Мизулиной в 2011 г.). Аборт определяется как «акт ненависти к детям» (Концепция: раздел 3, п. 1, § 3), несовместимый с «благополучной семьей». Поэтому авторы настаивают на введении процедур, затрудняющих доступ к аборту (обязательное «доабортное» консультирование беременных женщин, намеревающихся прервать беременность, получение письменного информированного добровольного согласия беременной женщины на проведение пренатальной (дородовой) диагностики, разрешение аборта у несовершеннолетней при наличии письменного согласия одного из ее родителей либо законных представителей). Путем рецептурного отпуска противозачаточных препаратов, усиления ответственности врачей за нарушение законодательства об абортах, планируется ограничить медикаментозное прерывание беременности. Этому должна способствовать и пропаганда негативного отношения к аборту. Данные меры противоречат принципам «самостоятельности семьи в принятии решений относительно своего развития», провозглашенных в самой Концепции (Концепция: раздел 3, п. 8) и фактически превращают женское тело и жизнь в инструмент государственных демографических амбиций. Более того, они являются просто незаконными, так как право женщины на доступ к безопасному, легальному аборту обеспечен российским законодательством (Федеральный За-

* В анализе данных мер были использованы материалы юридической экспертизы, выполненной Е. Бахреньковой (Бахренькова 2013).

кон ... 2011) и Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Конвенция ... 1979). К чему такие меры приводят, хорошо известно из печальной статистики роста криминальных аборт, социального сиротства и смертности среди женщин в «антиабортных» странах (нацистская Германия, сталинская Россия, Румыния и т.д.).

К дискриминационным инновациям Концепции также можно отнести предложение ограничить доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям одиноким женщинам, а также лицам, не состоящим в зарегистрированном браке (Концепция: раздел 3, п. 6). Поскольку бесплодие — это болезнь, то данная инициатива нарушает право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), равенство прав и свобод личности по признаку принадлежности к определенной социальной группе (незамужние/холостые) (ст. 7 Всеобщей декларации прав человека) (Всеобщая декларация... 1948; 19 ст. Конституции РФ).

Еще одна дисциплинирующая мера касается «безответственных» супругов. Чтобы гражданам было неповадно бросать семью, в Концепции предлагается платить сбор при разводе; из полученных денег будет формироваться Федеральный алиментный фонд, из которого государство будет делать выплаты детям из распавшихся семей. Таким образом, содержание несовершеннолетних детей перекладывается на третьих лиц (часть из них с высокой вероятностью не будет иметь своих детей), для которых закон подобную обязанность не предусматривает (Семейный кодекс РФ 1995).

Нашла свое отражение в Концепции и четко очерченная в последнее время тенденция сращивания государства и церкви, которой отводится заметная роль в регулировании родительского и брачно-репродуктивного поведения. Взаимодействие государства и церкви в сфере семейной политики декларируется как один из 10 основополагающих принципов Концепции (Концепция: раздел 3, п. 2, §5). Во исполнение принципа не менее половины состава комиссий по делам несовершеннолетних предлагается формировать из делегатов РПЦ, других религиозных организаций, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России и других общественных (sic!) организаций. Представители конфессий должны участвовать в предварительных экспертизах всех законопроектов, касающихся семейных отношений (Концепция: раздел 3 п. 13). Но этим влияние церкви на частную жизнь граждан не ограничивается: в планах разработчиков трансформация венчания в законную форму регистрации брака (Концепция: раздел 3, п. 5).

Слияние двуглавого орла и хоругвей, очевидно, противоречит светскому характеру нашего государства (ст. 14 Конституции РФ), но это не смущает авторов: с их точки зрения, двойной контроль государством и церковью семейной жизни россиян усилит «защиту семьи, в том числе и от незаконного вмешательства» (Концепция: раздел 3). Между тем социологи и демографы давно объяснили, что благополучие семьи, в том числе и уменьшение зазора между желаниями, намерениями и реальными рождениями находится в обратной зависимости от уровня контроля государства / церкви (Esping-Andersen 2009; Вишнеvский 2006). Германия, страны Южной Европы, пережившие различные формы тоталитаризма, демонстрируют спад рождаемости и рост разводов, в то время, как

страны с более либеральными режимами (США, скандинавские страны, Великобритания) имеют высокий уровень фертильности.

Когда патерналистские ожидания населения очень высоки, семья перестает чувствовать себя ответственной за свое благополучие, постоянно ожидая помощи от всемогущего государства. И тогда оба попадают в «ловушку патернализма» (Чернова 2013: 269): всемогущее государство не справляется с постоянным ростом ожиданий подконтрольных граждан, а последние остаются глубоко неудовлетворенными его действиями.

Для роста благосостояния семьям нужен не контроль, а создание благоприятных для семьи условий, которые не сводятся к материальным выплатам. У группы с самым низким уровнем материального благосостояния среднее число детей больше, чем у самого обеспеченного слоя, хотя именно высокодоходные группы хотели бы иметь двух и более детей (Варламова и др. 2006). Для благополучных семей, которые демонстрируют реальный потенциал повышения рождаемости (два и более ребенка), основной барьер для рождения — фактическое отсутствие инфраструктуры детства в России — неразвитость рынка социальных услуг по уходу и воспитанию детей. Их стратегия репродуктивного поведения принципиально отличается от стратегии малоресурсных групп. Она созвучна глобальным трансформациям воспроизводства Второго демографического перехода. Деньги их интересуют в меньшей степени, чем разрешение конфликта между рынком труда и семьей.

Ряд исследований убедительно демонстрирует прямую связь между организацией «дружественной семье» сферы социальных услуг и рождением детей (Левин, Шилова 2011; Castles 2003). Но именно этой сфере мер по поддержанию баланса семьи и занятости уделено в Концепции наименьшее внимание. Предложения по решению этой проблемы заняли меньше страницы (Концепция: раздел 3, п.10). Большая часть из них представляет собой декларативные перечисления «рецептов», уже неоднократно звучавших с высоких трибун: гибкий трудовой график, дистанционная занятость и т.д. Новые меры — увеличение разовых пособий по беременности и родам, введение отцовского родового отпуска (Концепция: раздел 3 п.7) — касаются в основном периода поддержки работающих до и первое время после рождения, который в российском законодательстве и так сильно защищен (Карабчук, Нагерняк 2013: 29). А вот обеспечение выхода на работу остается для российских женщин наиболее острой проблемой.

В России превалирует двухдоходный тип семей. Большинство женщин работает: одни вынужденно, другие встраивают занятость в сферу самореализации. Позволить себе быть домохозяйками могут немногие. В 2009 г. уровень занятости женщин достиг 57,5% (Карабчук, Нагерняк 2013: 34). Притом это очень качественный ресурс — например, 70% женщин заняты в системе образования, а это 15% занятых в экономике (Малева 2006). Женщины, так сложилось в России исторически, высокообразованная и производительная часть общества. Это огромный потенциал в условиях дефицита трудовых ресурсов. Именно для таких женщин занятость является сейчас проблемой в связи с рождением ребенка.

Какой выход предлагает Концепция из этой ситуации? Обеспечить доступность детских садов планируется с помощью мини-детских садов на дому, вве-

для выплаты специальных пособий лицам, осуществляющим уход за детьми, или использовать материнский капитал многодетным мамам. Таким образом, локализуя заботу в частной сфере, переводя ее в статус оплачиваемой работы, государство перекладывает часть ответственности по организации заботы на плечи семьи и, в первую очередь, женщины (для этого многопоколенные семьи, наверное, и нужны). Эти и подобные меры имплицитно подразумевают установление институциональных барьеров на включение женщин в рынок труда, сохранение низкого уровня трудовых доходов семей и поддержание силами государства модели «мужчина — кормилец / женщина — домохозяйка», характерный для традиционной организации семьи. Круг замкнулся.

В заключение сформулируем предварительные выводы, так как окончательные, надеемся делать еще рано:

— Концепция встроена в контекст консервативной солидаризации и созвучна запросу государства на формирование коллективной идентичности с русским культурным ядром и поэтому носит националистический окрас.

— Заявленный принцип разделения демографической и семейной политики не реализован. Имплицитной целью Концепции остается повышение рождаемости.

— Представленная версия семейной политики слабо коррелирует с другими сферами социальной политики (пенсионное обеспечение, миграционная политика, образование), что создает угрозу несогласованности социальной политики в целом.

— В целом политика носит неотрадиционалистский, патерналистский и пронаталистский характер, что сближает ее с трендами семейной политики предыдущего периода (2006-2011).

— Предлагаемая версия семейной политики представляет собой консервативную модель социальной политики. Ее цели, принципы и методы демонстрируют более высокую степень когерентности, чем в предыдущих документах аналогичного статуса.

— Часть принципов и инструментов Концепции носит откровенно дискриминирующий характер и не соответствует нормам международного права и российскому законодательству.

— Нормативная модель семьи, продвигаемая Концепцией (многопоколенная, многодетная), и меры по ее поддержке продуцируют новые системы социальных неравенств: между различными типами семей (стигматизируются все, кроме многодетных семей), между паттернами родительства (дискриминируются одинокие родители, однополые и т.д.), между детьми из различных семей (диверсифицируются шансы на образование, медицинскую помощь, отдых).

— Детоцентристская ориентация Концепции игнорирует вопросы родительского благополучия, проблемы пожилых членов семьи.

— Доминируют материальные и дисциплинарные меры воздействия на брачно-репродуктивное и родительское поведение. В результате семья находится не под защитой, а под патронатом и жестким контролем со стороны государства и церкви.

— Отсутствие обсуждения экономической базы предлагаемых реформ придает Концепции необоснованный характер.

— Содержание несущей идеологической конструкции — «традиционные семейные ценности» — не соответствует историческим, социальным и юридическим реалиям и требует адекватной операционализации.

— Игнорирование Концепцией объективных трансформаций семейной сферы, реальных потребностей семей (в частности, «примирение» семьи и работы) ставит под сомнение ее эффективность.

Литература

Аузан А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М.: ОГИ, 2006.

Бахренькова Е. Юридический анализ общественного проекта «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года», 2013. [<http://www.zafeminizm.ru/204-yuridicheskiy-analiz-koncepcii-gosudarstvennoy-semeynoy-politiki-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.html>]

Башикирова Е.И. Самое важное в жизни россиян — семья // SPERO. 2010. 12. С. 21–26.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования (СОЦИС). 2006. 10. С. 61–73.

Вишневецкий А. Демографические альтернативы для России, 2006 [<http://polit.ru/article/2006/01/25/alternatives/>]

Всеобщая декларация прав человека, 1948 [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml]

Захаров С. Какой будет рождаемость в России // Демоскоп weekly. 2012. 495–496. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/print.php>]

Карабчук Т., Нагерняк М. Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. 11 (1). С. 25–49.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml]

Конституция Российской Федерации [<http://constitution.kremlin.ru/>]

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [<http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>]

Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [<http://www.komit2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html>]

Левин М.И., Шилова Н.В. «Детский вопрос»: издержки на маленьких детей в России и Западной Европе // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2011. 2. С. 14–21.

Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. 1–2 (48). С. 6–20.

Малева Т. Пора говорить о повышении социально ответственной рождаемости // Демоскоп weekly. 2006. 267–268. [<http://demoscope.ru/weekly/2006/0267/analit01.php>]

Малинова О.Ю. Символическое единство нации? // Pro et Contra. Май-июнь 2012.

Мизулина Е. Пресс-конференция 19 июня 2013 года. [<http://rossiyanavsegda.ru/read/1050/>]

Об основных направлениях государственной семейной политики. Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712. [<http://www.referent.ru/1/8042>]

Печерская Н.В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. 10 (3). С. 323–342.

Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 г. // Послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 2000–2006 гг. [<http://www.doxa.ru/analit/putin2006root.html>]

Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 2012 г. [<http://www.kremlin.ru/news/17118>]

Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. [http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html].

Свешникова О. Российские родители: новое в поведении и мировосприятии // Pro et Contra. 2010. 14 (1–2). С. 61–77.

Семейный Кодекс РФ. [<http://www.consultant.ru/popular/family/>]

Федеральный Закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан РФ» от 21 ноября 2011 г. [<http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>].

Чернова Ж. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. 3. С. 44–51.

Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2013.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики современной России // *Laboratorium*. 2010. 3. С. 19–43.

Шпаковская Л.Л. Гражданский брак в России // *Практики идентичности: гендерное устройство.* / Сб. статей под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2010. С. 27–68.

Ярская-Смирнова Е. Ценностно-символическое пространство семейной политики // *Демоскоп weekly*. 2010. 409–410. [demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit05.php]

Blanchet D. The Demographic Impact of Family Benefits: Evidence from a Macro-Model and from Macro-Data / D. Blanchet, O. Eken-Jaffe // Ermisch J., Ogawa N. (eds). *The Family and the State in Ageing Societies*. Oxford: Clarendon Press. 1994. Pp. 79–104.

Castles F. The world turned upside down below replacement fertility, changing preferences and family-friendly public policy in 21 OECD countries // *Journal of European Social Policy*. 2003. 13. Pp. 209–227.

De Certeau M. *The Practice of Everyday life*. Berkeley: University of California Press, 1984.

Esping-Andersen G. *The Incomplete Revolution. Adapting to Women's new Roles*. Cambridge: Polity Press, 2009.

Read R, Thelen T. “Introduction: Social Security and Care after Socialism: Reconfigurations of Public and Private” // *Focaal*. 2007. 50. Pp. 3–18.

Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of “Maternity Capital” // *Slavic Review*. 2010. 69 (3). Pp. 701–724.

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. Who Helps the Degraded Housewife? Comments on Vladimir Putin's Demographic Speech // *European Journal of Women's Studies*. 2007. 14 (4). Pp. 340–361.